

Р. С. Ф. С. Р. СИБИРСКАЯ НАУЧНАЯ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СТАНЦИЯ НАРКОМЗЕМ

НАУЧНО-ПРОМЫСЛОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ

СЕРИЯ Д.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЗАВЕД. СТАНЦИЕЙ
А. И. БЕРЕЗОВСКОГО.

ВЫПУСК 6.

9/3076
6

Н. К. АУЭРБАХ

ЗАСЕЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫСЛОВ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ ЕНИСЕЯ

20338
25/17

КРАСНОЯРСК

1929.

59/3

ОТ РЕДАКЦИИ.

За последние годы проводится громадная работа по устройству промысловой территории и водоустройству малых народностей северных окраин. Эта работа имеет исключительное значение для развития хозяйства туземцев, его правильной организации и в связи с нею проводятся большие и разнообразные исследования, углубленно характеризующие природу и экономику Севера.

В целях более полного выявления промысловой емкости района и динамики промыслового хозяйства—велось также изучение архивных материалов, освещающих характер и размеры промысла на крайнем Севере в прошлом.

Печатаемая здесь работа является результатом исследования, выполненного археологом Н. К. Ауэрбахом по заданию Енисейского водоустроительного отряда Сибирской Научной Рыбохозяйственной Станции, и освещает состояние звериных и рыбных промыслов Туруханского края в 17 и 18 столетиях.

РЕДАКЦИЯ.

Лингвист. 107511

Г.П.Б-на обяв. экз.
Линг. 1930 г.
Акт № 4-514

Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея

(Материалы к истории русской колонизации XVII и XVIII в. в.).

Характер русской колонизации XVII века Сибири достаточно выяснен. „Впереди идут промышленные люди. По мере того, как промышляется соболь... они в поисках новых „соболиных мест“ проникают все дальше на восток и открывают новые неясанные земли“. Благодаря варварским приемам ловли пушного зверя „кулемами“, истребление наиболее ценных пород идет необычайно быстро и так же быстро идет вперед и движение промышленников все глубже и глубже в „неведущие земли“. По следам промышленников, часто на свой страх и риск небольшими партиями в несколько человек, идут служилые люди сибирских городов для сбора ясака с новооткрытых „немирных иноземцев“, привлекаемые той же жаждой наживы и надеждой на грабеж и военную добычу. Рядом с промышленными зимовьями вырастают ясачные зимовья, в которых служилые люди собирают ясак на государя и „поклонные соболи“ на себя и воевод“ *)

Проникновение русских на Енисей. Такой характер носит и заселение русскими Енисея и его притоков. На Енисей русские проникли с запада двумя путями: северным, через Мангазею, так называемым Енисейским водокотом и южным—р. Кетью.

Древнейшим опорным пунктом русских в Мангазейском уезде была Мангазея, возникшая в самом начале XVII столетия в центре богатого соболем района между Енисеем и Обью на р. Тазе. Здесь древнейшие ясачные книги 1629—30 х годов помещают „тундряную и кровавую самоедь“, живущую близ Леденкина шара и платящую ясак в самой Мангазее, Кудасейскую самоедь, „что кочует на Кудасее реке“, тидирисов, повидимому, тоже самоедов, живущих на Тидринском озере и юратскую самоедь р. Пура, впервые начавших платить ясак только в 1635 г. На Енисее первыми зимовьями были: основанные в первом десятилетии XVII в. Туруханское и Хантайское, где платили ясак Туруханские и Хантайские самоеды, Инбатское „обслуживавшее“ остяков и инбаков, и Закаменное, где платили ясак закаменные енисейские остяки. Несколько позднее были объясашены тунгусы, жившие по трем Тунгускам. На районы, населенные тунгусами, было обращено особое внимание, потому что эти районы, начиная, повидимому, с 20-х годов и до конца столетия, давали более 80 процентов всей пушнины Мангазейского уезда. Для Тунгусок было построено целый ряд зимовьев.

*) С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII в.в. Москва. 1928. Стр. 160.

Огромные тундряные пространства, примыкающие с севера к таежной полосе Приенисейского края, не интересуют русских в первую половину XVII века.

Правда, еще в 1610 г. Семен Куркин организует экспедицию вниз по Енисею из Туруханска в море, морским путем пробирается в устье Пясины и делает огромной важности географическое открытие — впадения Енисея в то самое море, которым иностранцы ходят в Мангазею. Это открытие, как известно, встревожило Тобольских воевод и послужило одним из поводов закрытия в 1620 г. Северного морского пути, хотя морским путем в XVII в. ни одно судно не достигало Енисея.

Материалы обследования, произведенного Тобольскими воеводами в связи с Северным морским путем, с достаточной определенностью свидетельствуют о том, что низовья Енисея не были обитаемы в начале XVII века. Куркин характеризует низовья Енисея в таких выражениях: „устье Енисейское занесло из моря льдом, а лед давной, ни в которую пору не изводитца, в толщину в сажень с тридцати и больше *)... Посланный из Мангазеи в 1616 г. в Енисейское устье стрелец Мишка Иванов подтверждает показания Куркина: „смотрели де дни на море и не могли досмотрети, где бы за льдом вода обьявилась и юртов никаких не видели и лес никакой подле моря не растет.“ **) Из показания того же Мишки мы узнаем в другой описке воевод о том, что „люди-де на Енисейском устье никакие не живут и признак юртовых не видели, а леса никакого на Енисейском устье нет же, все места пошли мокры, озера и болота, а по низким местам снега и льды лежали высокие“. ***)

Косвенные доказательства недостаточного знакомства русских в первой половине XVII в. с низовьями Енисея мы находим в картографических материалах. Карты XVII века чрезвычайно бедны географическими подробностями Енисея ниже Дудинки: обычно в Енисейском заливе показан один остров, наверное Кузкин. На карте Исаака Масаса 1612 г. помечен еще один остров может быть Вилькицкого, то же повторяется и на карте Гарритса 1613 г.; на карте Сансона 1654 г. второго острова уже нет. Роскошная для своего времени карта Витсена 1687 г. также не изобилует деталями, которые доказывали бы большое знакомство русских с низовьями Енисея. Из показания промышленников, опрошенных Тобольскими воеводами в 1610—20 г. г. в связи с Северным Морским Путем видно, что даже Куркин, ездивший морем в Пясинское устье и видимо допускающий возможность прохода с моря в Енисей, не имеет ясного представления об Енисейском заливе. Куркин полагает, что Новая Земля лежит напротив Енисейского устья. Это представление, повидимому, было широко распространено среди русских XVII в., отголоском чего служит карта 1683 г. Джаакано Кантелли, на которой Новая Земля рисуется полуостровом, закрывающим ход морем восточнее Енисея. Повидимому у русских были очень неполные сведения в XVII ст. и о низовьях Пясины. Холмогорец Пятай Максимов в опросе Тобольских воевод ****) показал, что „против Пясинского устья на море — остров от устья в верстах пятнадцати... а люди на нем живут ростом невелики, называют их няромзою... И те людишки от своей худобы от людей бегают, а только де их поискать нароком и их-де сыскать и под Твою государеву руку привесть мочно“. ****) Бедностью туземцев тундряных райо-

*) Русская историческая библиотека Т. II, стр. 1051—52.

**) Русская историческая библиотека, Т. II, стр. 1061.

***) То же стр. 1082.

****) Русская Историческая Библиотека, т. II, стр. 1059—60.

нов надо объяснять незнакомство русских с этими районами в первой половине XVII в. На Пясино русские шли из Туруханска тундрой мелкими речками летом, зимой—нартяным ходом. Их интересовали верховья Пясины больше, чем низовья, потому что в верховьях Пясины близ Пясинского озера жили более зажиточные туземцы, добывавшие, правда очень короткое время, соболя в тех небольших участках леса, который заходит далеко на север в этом районе. На южную дорогу на Пясино мы встречаем прямые указания для конца XVII в. у Ремезова; как наиболее удобный и близкий этот путь, надо думать, существует и в начале XVII в. тем более, что по нему шло объясачивание туземцев. В середине XVII в. морской путь на Пясино был забыт настолько, что на карте, снятой Приютцем с чертежа Годунова 1667 г., река Пясино показана впадающей в Енисей. (См. приложение № 1).

Западные области низовьев Енисея—Гыдаинский полуостров, несмотря на его близость в древней Мангазее оставался вне русского влияния чуть ли не до начала XVIII в. Ремезов помещает между Обью и Енисеем „немирную самоедь юрацкую“, а участник Великой Северной Экспедиции Харитон Лаптев пишет „русские промышленники, живущие на западном берегу ниже города Мангазейска (Туруханска) не больше 100 верст и до самого моря прежде Камчатской экспедиции претерпевали великие обиды от юраков, которые кочуют „меж реки Оби и Енисея; понеже сии юраки, приходя, многих грабили и до смерти убивали, не токмо жителей, но и служилых ясашных; а оные юраки некоторые состоят в ясаке, но токмо в вольном и то, что и сколько хочет платить зверями“. *)

Возникновение Во второй половине XVII столетия экономическая
товарного конъюнктура Приенисейского края сделалась значи-
земледелия тельно более благоприятной для эксплуатации интере-
на юге. сующих нас северных районов низовьев Енисея. В пер-
вую очередь следует отметить возникновение товарно-
го земледелия в Енисейских и Красноярских уездах, о чем мы узнаем из специального экономического обследования, произведенного Тобольском по заданию Москвы. **) В связи с систематическими крушениями судов с хлебными запасами, пересылаемыми из Тобольска морским путем в Мангазею перед правительством встал вопрос о снабжении Мангазеи хлебом не из Тобольска, а с Енисея. Путем опроса торговых людей и командировки своего рода „экономиста“ XVII в. Хворова были собраны подробнейшие материалы о ценах на хлеб в различных городах Сибири, о стоимости провоза, путях сообщения, о строении судов и т. д. Открылись любопытнейшие детали экономики Сибири XVII века. Оказывается, что хлеб для Мангазеи заготавливался в городах Верхотурья и в Поморских городах и отправлялся в Мангазею из Тобольска на 8 кочах. Ежегодно посылалось 1224 четий ржаной муки и 240 пудов соли, что обходилось с доставкой в Мангазею 4229 р. 15 алтын, при чем „четь казенная в 4 пуда в 4 гривеньки с полугривенькой“ стоила государству в Мангазее 3 руб. 20 алтын. Между тем служилые и торговые люди показали, что в Енисейском и Красноярском острогах и деревнях этих острогов „продажного хлеба много“, что торговые люди уже возят хлеб из Ени-

*) Записки лейт. Харитона Прок. Лаптева. Записки Гидрографического Департамента Морского Министерства. 1851 г. Часть IX, стр. 53.

**) Архив Сибирского Приказа. Прибыльная Книга. 1669, № 337.

сейска в Мангазейский уезд дощаниками и каюками; покупая в Енисейске „промеж себя и по гривне и по десяти алтын пуд“. Хворов пишет, что цена хлеба в Енисейске 4 алтына 2 деньги пуд, пуд соли — 2 гривны. По произведенным расчетам 5 пудовая четь ржаной муки, заготовленная в Енисейске, должна была обойтись с доставкой в Мангазею 3 руб. с четью, а все нужные Мангазеи запасы 3978 руб. *). В связи с этим Тобольск распорядился заготавливать хлеб для Мангазеи в Енисейске и прекратить посылку кочей из Тобольска в Мангазею морским путем. Было предположено сдать подрядчику доставку хлеба из Енисейска в Мангазею, но „подрядчиков в Мангазею волоком никого не объявилось и никто в Енисейском остроге и в деревнях и в Красноярском уезде в деревнях не выискался, чтобы... хлеб и соли по наказу поставить“. Основные трудности доставки запасов в Мангазею заключались в переброске хлеба из Туруханска Енисейским волоком, где нужно было перегружать груз на мелкие суда и 1—2 км. нести мешки сухим путем. В связи с этим и целым рядом других обстоятельств: общим экономическим упадком Мангазеи, вызванным уничтожением соболя в районе и закрытием Северного морского пути—правительство распорядилось перенести в 1672 году административный центр Мангазейского уезда из Мангазеи на Тазу в Туруханское зимовье Новую Мангазею (нынешний старый Туруханск). Это перенесение, экономически правильное, послужило новым благоприятным фактором для эксплуатации примыкающих к Туруханску северного района—низовьев Енисея.

Уничтожение соболя. Параллельно с этим произошли другие изменения, перевернувшие всю экономику Мангазейского уезда. Менее, чем в столетие был выбит почти на чисто весь соболь, тот самый соболь, который определял первые пути русской колонизации бассейна р. Енисея. Для характеристики этого процесса уничтожения соболя я привожу таблицу, составленную на основании ясашных книг 1629—1701 г. г. В этой таблице мною помещены только данные, касающиеся добычи соболя, позволяющие установить основные этапы хищнического истребления этого ценного зверя на Енисее.

Я С А К.		П Л А Т Я Т С О Б О Л Е Й							
		1629 г.	1635 г.	1646 г.	1656 г.	1663 г.	1672 г.	1680 г.	1701 г.
1	Хантайское зимовье: самоеды, тидирисы, тав- ги	280	146	197	171	211	161	37	—
2	Туруханское зимовье: Тундрная самоедь, Пу- ровская, Юратская са- моедь	280	206	188	164	149	150	123	33
3	Хатанское зимовье: тунгусы (с Ессей озера), .	—	214	546	471	442	377	—	24
	Юратская самоедь	—	—	—	104	—	—	—	—
4	Пясидская самоедь и юра- ки	—	176	—	6	—	—	—	—
	Анабарские тунгусы . . .	—	—	—	30	—	21	—	—

*) Архив Сибирского Приказа. Прибыльная книга. 1669 г. № 337.

5	Закаменное зимовье: Енисейские остяки . . .	461	533	611	306	306	247	210	105
6	Инбатское зимовье: Енисейские остяки . . .	702	350	439	434	468	420	478	—
7	Верхотазское зимовье: самоеды	680	224	194	227	164	208	87	57
8	Курейское зимовье: тунгусы	—	—	—	—	—	—	—	202
9	Усть-Илимпейское зим.	905	364	200	188	183	232	221	—
10	Патраково-Размахнино . .	17	—	—	—	—	—	—	—
11	Мезенское, Белопопово .	53	—	—	—	—	—	—	—
12	Усть-Титейское зимовье .	190	654	91	112	47	46	46	—
13	Усть-Непское зимовье . .	—	360	261	—	44	51	—	21
14	Кундогирское зимовье . .	—	—	313	311	266	301	137	12
15	Усть-Зобнинское	—	334	570	45	490	537	569	—
16	Летнее	—	212	280	60	178	158	197	45
17	Турыжское	—	—	318	250	340	8	360	27
18	Подк. Тунгуска	40	—	—	—	—	—	—	—
	Верхн. Тунгуска	—	—	—	—	—	—	—	—
19	Верхне-Тетерское зим. . .	—	121	181	207	146	210	186	33
20	„ Чунское зим.	—	64	158	42	53	79	58	39
I	Ясак, поминки и др. мел- кие сборы	3979	5207	4680	3683	3667	3591	3525	634
II	Десятинная пошлина . . .	10456	10642	3436	1308	1177	2200	332	6
III	ВСЕГО	14353	15857	8116	4991	4844	5791	3857	640

ПРИМЕЧАНИЕ. Итоговая графа I (ясак, поминки) несколько превышает сумму ясака по зимовьям. Это превышение объясняется тем, что в этот итог в ясашных книгах включены покупные соборы.

Из таблицы видно, что до 40-х годов XVII столетия преобладающее значение в „соболином доходе“ государства имеет таможенная десятичная пошлина, собираемая с русских промышленных и торговых людей. Грубый подсчет позволяет установить, то число соборей, которое добывалось русскими промышленниками ежегодно—100.000 соборей. Но уже в 30-х годах Московское правительство стало недо-считывать с Мангазейского уезда свыше 4500 соборей десятичной пошлины и потребовало расследования причин недобора. В Мангазее был произведен „сыск“, выписки из которого сохранились до нашего времени. Выяснилось, что раньше было из обеих Тунгусок реки всяких людей собориных промыслов 586 человек, а в 1637 г. пошло из Туруханского зимовья только 243 человека. Торговые и промышленные люди показали, что „не стали де они в Мангазею ходить для морского разбою и для того, что де их в Мангазее в Тазовском городе и в Туруханском зимовье выбирают во многие службы“ *). В 1648 г. промышленники уже говорят „платить стало нечего, а приходи-ли промышленные люди в Туруханское зимовье с промыслу не на великое дело недели на 3 и в силах на 4 и про то такой боль-шой таможенный недобор... учинился“ **). В 1673 г. „у Мангазейских служилых людей у ясашных сборщиков десятичного собориного собору

*) Архив Сиб. Прик. Столб. № 210, стр. 120.

**) Тоже. Ясашная книга № 308, стр. 225.

ни у кого не было ни единого соболя и пупка, опрочя Курейского зимовья. „Из промышленных людей негодовал никто... и десятиново... сбору не было ни единой денги“ *).

К концу столетия десятинная пошлина уже не имеет значения в государственном доходе совершенно. Ясашный сбор, в общую сумму которого мы включаем все сборы с туземцев вообще, носит более устойчивый характер и колеблется по годам между 5000—3500 соболями. За столетие и этот сбор претерпевает большие изменения. Начиная с 30-х годов XVII века в ясашных книгах начинают встречаться указания на недобор ясашного соболя. В ясашной книге „1635 г.“ **) основной недобор падает на Тазовский и Пясинский районы. В связи с уничтожением соболя с каждым годом недобор ясака увеличивается и местная власть вынуждена к постепенной замене сбора соболя другими мехами. В древнейших книгах ясак собирается всюду соболем за исключением Хантайской и Туруханской и Верхотазской самоеди, где соболь частично заменяется бобрами „голову в голову“, Пуровской самоеди, платящей „постелями“, т. е. оленьими шкурами и Пясидской самоеди, очень быстро уничтожившей соболя в своем районе и платящей ясак ровдугами. В 1656 г. объясачиваются Хетские и Анабарские тунгусы, которые платят ясак ровдугами.

В 1667 г. уже наступает момент, когда правительство начинает интересоваться не только соболем, но и песцами. В этом году был направлен в заведомо несоболиные районы на Пясику и Хатангу стрелец Иван Сорокин, который сообщил, что „воровская“ самоедь с ясаком сбежала вниз меж Пясидой и Хатангой. Этим же Сорокиным было построено ясашное зимовье на Дудинке „с нагорной край Енисея конца верхняя Дудины реки“ (дополнения к актам историческим, Т. V, № 29).

Из ясашной книги 1680 г. ***) мы узнаем о размерах ясака, падающего в отдельности на туземца. В Инбатском зим. с „князцов“ берут по 6—5 соболей с пупками и хвостами, а с рядовых енисейских остяков по 5 соболей; первый год ясак берут по соболю с пупком и хвостом, второй год по 2 и т. д. Таким образом подросток и „новик“, которые за промыслы примутся — „учнут с рядовыми иноземцами ясак платить в 5 лет“. В Туруханском зим. с самоедов берут по 4 соболя с человека, если нет соболя, то россомах, бобров, кошлоков. С „новиков“ берут первый год 1 соболя. В Хантайском зим. самоеды платят по 2 соболя взамен в голову голова—бобр, россомах, лисица кошлок или песец—9 песцов за соболя или 5 постелей, или ровдугами, одындрами, парками, сакуями и оленьими пимами. С тунгусов ясак берется по 2—3 соболя с человека. В 1701 г. соболь уже теряет доминирующее значение в ясашном сборе и всюду заменяется более чем на $\frac{2}{3}$ другими мехами. Так, в Верхотазовском районе из 158 соболей, намеченных по окладу, 101 соболь заменяется 68 лисицами, 25 россомахами, 55 песцами, 9 ровдугами и 1 рысью; вместо 180 соболей в Хантайском районе платят 1328 песцов, 7 лисиц, 27 россомах и др. меха. Даже по Нижней Тунгуске происходит замена соболя россомахами и лисицами. Так, в Туружском зим. собрано всего 27 соболей, а 20 соболей заменены 18 россомахами и 2 лисицами. ****).

*) Тоже. Столбец № 899.

**) А. С. П. Ясашная книга № 78, лист. 332—335.

***) А. С. П. Ясашная книга № 708 лист. 41, 41-а, 42.

****) А. С. П. Книга № 1453.

**Передвижение
туземных пле-
мен.**

Тяжесть различных поборов в виде ясака, поминок и т. д. сыграли немаловажную роль в переселениях туземцев из обедневших промыслами районов в районы более промышленные. Первыми снялась с насиженных мест большая группа Пясидских самоедов. В 1630 г. они отошли от Пясинского озера к северу и пристали к „морю безызвестома“ и перестали платить ясак *). В 1651 г. часть самоедов Березовского уезда „отъехали в Мангазейский уезд человек с 50 и больше и начала де государю ясак платить в Мангазее и на Обдорск та самоедь начала не ездить... , а иная самоедь бегаёт и хоронитца по крепким местам и по тундрам и живут де остерегательно... и бережно блюдутца де поимки в аманаты“ **). Затем произошли крупные сдвиги тунгусов, которые стали медленно продвигаться на север.

По ясашным книгам 1635—1651 г. г. тунгусы уже обитают в районе Ессей озера, но это передвижение произошло недавно, поскольку часть тунгусов, живущих на Ессей озере, продолжают платить ясак по месту своего прежнего кочевания—в Усть-Титейском на Нижней Тунгуске ***). В 1665 г. часть тунгусов продвинулась к Закаменскому зим. и стеснила енисейских остяков ****). Наконец, к концу столетия тунгусы продвинулись с Н.-Тунгуски даже севернее енисейских остяков и вышли в верховья Курейки *****). В ясашной книге 1701 г. район Курейки оказывается наиболее густо населенным тунгусами: здесь кочают 116 взрослых тунгусов и кроме того платят ясак 7 тунгусов, ранее плативших в Усть-Непском зимовье. В мою задачу не входит освещение вопроса об этих переселениях, как и вопроса о вымирании туземцев под влиянием русской эксплуатации. Только попутно я имею возможность коснуться этих вопросов. В ясашных книгах имеются данные о численном составе туземцев, прикрепленных к отдельным зимовьям. В отношении целого ряда зимовьев эти данные не позволяют сделать заключение о том, вымирают ли туземцы или нет просто потому, что уменьшение численности ясашных людей, показываемое в книгах, могло произойти за счет откочевавших на север туземцев. Требуется предварительный анализ всех материалов ясашных книг для решения этого вопроса, но в отношении одного племени мы можем уже сейчас сделать определенные выводы. Енисейские остяки, платившие самый крупный ясак с человека во всем Мангазейском уезде и к тому же стесненные пришедшими с юга тунгусами, оставались на старых местах и начали вымирать уже в XVII веке. Вот небольшая таблица, свидетельствующая об этом:

	1665	1680	1701
В Инбатском зим. платило ясак	91	93	15
В Закаменном зим. платило ясак	68	43	12
	159	136	27

Что же касается тунгусов, то в связи с их передвижениями решить вопрос об их численном увеличении или уменьшении не представляется пока возможным.

*) А. С. П. Ясашная книга № 78, лист 332—236.

**) А. С. П. Столбец № 408.

***) А. С. П. Ясашная книга № 78.

****) А. С. П. Столбец № 638.

*****) А. С. П. Книга № 1453.

Вот данные:		1665	1680	1701
В Усть-Илимпейском платят ясак	65	75	77	
„ Усть-Тетейском зим.	16	16	—	
„ Усть-Непе зим.	15	—	7	
„ Кундогирском зим.	80	94	98	
„ Усть-Зобнинском зим.	169	205	—	
„ Летнем зим.	58	67	54	
„ Турыжском зим.	106	125	80	
„ Курейском зим.	—	—	116	
На Ангаре: в Тетерском зим.	55	64	85	
„ в Чунском зим.	17	20	33	
		581	666	550

В то время, как происходило хищническое истребление пушных богатств таежной полосы Приенисейского края, а в связи с этим истреблением туземные племена передвигались в различных направлениях—огромные тундренные пространства севера оставались попрежнему вне промышленной русской эксплуатации.

Но во второй половине XVII столетия основные богатства таежной полосы Приенисейского края были исчерпаны и наступил момент для эксплуатации и тундры. Мы видим, что во второй половине XVII столетия русские обращают внимание на районы, изобилующие песком—Хету, Хатангу, Анабару, а в 1665 г. строится Дудинское зимовье. Установить точно тот момент, когда русские промышленники двинулись вниз по Енисею, севернее Дудинки, не представляется возможным по имеющимся в моем распоряжении материалам. Повидимому, этот момент имел место около 1665 г. Для конца столетия уже имеются по этому вопросу определенные данные. На карте Ремезова весь правый берег Енисея, начиная с Гольчихи, усеян промышленными зимовьями и вдоль этого берега идет надпись: „зимовья промышленляют песцов и медведей белых“. На левом берегу зимовья начинаются к северу от впадения в Енисей реки Хеты. Число зимовей на левом берегу значительно меньше, чем на правом берегу: здесь промышленляют „песцы белые и черные“. Русские имеют ясное представление о всем нижнем течении Енисея. Они знакомы с крупнейшими притоками правого берега: Верхней Дудинкой, Нижней Дудинкой, Муксуной и Гольчихой. Все эти речки показаны вытекающими из озер. Русские бывали в районе между Гольчихой и Пясиной—здесь показан лес. Между Дудинками стоят чумы туземцев. Чумы помещены и вблизи Пясинского озера—здесь обитает „ясашная самоедь“. Русские зимовья находятся при истоках Пясины из озера, по всей Хете, Хатанге, Обигаю и Анабаре, вплоть до Якутского уезда.

Левый берег Енисея эксплуатируется русскими попрежнему очень слабо: здесь известны Ремезову реки: Хета и Нижняя Хета, „а по ней приходят юратская самоедь немирная через Таз и Пур“. Область между Енисеем и Тазом называется „юратская земля немирная“. Здесь нарисованы песцы, олень, стоят чумы и имеется надпись: „растет мох, едят зверь олени“. Познакомились русские, судя по тому же Ремезову, и с островами Енисея: они тянутся на ремезовском чертеже, начиная с Нижней Дудинки до моря—„акиана“ тремя группами и заканчиваются на севере при выходе в море большим островом—наверное Кузькиным.

О том, кто были засельники низовьев Енисея, хлынувшие сюда с целью песцового промысла, дает нам некоторые указания один документ из архива Троицкого, Туруханского монастыря*).

При секуляризации монастырских владений монастырь должен был выслать вновь образованной коллегии экономии опись „крепостям и данным письмам на всякие заводы и пашенные и сенокосные земли“.

Из этой описи, относящейся к 1765 г. я привожу выписку, касающуюся зимовьев низовьев Енисея:

Письмо поступное 197 году (1689), июля, 29 дня торгового человека Луки Ларионова сына Брызгина на песцовое зимовье вниз по Енисею реке на каменной стороне на Казанцову носу.

Письмо поступное 1724 года, марта, 18 дня промышленного ч-ка Никиты Колмогорова на промышленное зимовье, состоящее ниже Гостинного носа, выше речки Гольчихи и ниже Прилучного.

Письмо поступное 1720 года июля 15 дня Мангазейского казака Федора Данилова Строганова на промышленное зимовье вниз по Енисею реке на Усть-Дудиной реки.

Письмо поступное 198 году (1690) июня 17 дня промышленников Михаила Павлова Басова(ых) да Савы Яковлева Кожевина на промышленное песцовое зимовье вниз по Енисею реке на юратской стороне против Казанцева острову на навалом.

Поступное письмо 1710 года марта 29 дня промышленного человека Ивана Тошиных на промышленные песцовые зимовья в семи местах у моря.

Поступное письмо 198 (1690) году декабря 9 дня Остафья Филатьева приказчиков его Григория Кочетова и Герасима Едомского на промышленные зимовья вниз по Енисею реке за губую.

Дана из Мангазейской приказной избы на выморочное зимовье вниз Енисея реки в Гольчихе промышленного чл-ка Ивана Григорьева сына Ваги(на)“.

Из выписки видно, что владельцами зимовий были: 4 промышленника, 1 казак и 2 торговых человека. Число мелких владельцев, имевших по одному зимовью, было 5 человек; в руках двух: Филатьева и Тошина сосредотачивались почти все зимовья от Гольчихи до Пясины: судя по описи действующих монастырских зимовий 1752 г. первому принадлежало 12 зимовьев по Енисею, а второму 7 зимовьев по берегу моря между Енисеем и Пясиной. Таким образом уже в конце столетия начался процесс собирания зимовьев в руках более крупных промышленников, располагающих, повидимому, капиталом, необходимым в первую очередь для организации доставки продовольствия на дальний север. Мелким промышленным это было не под силу и глубоко на север они не проникают.

Так, из дела о злоупотреблениях Мангазейского воеводы М. С. Волкова**) видно, что в 1698 г. Митька Максимов Даурской живет на Енисее между Хантайской и Карасиной, другой промышленник—выше Карасиной в зимовье, Ондрей Филип. Чашкин—между Карасиной и Хантайкой, но в 1698 г. был для промысла у моря, повидимому, „крутился“ на чужих промыслах, Тухареев—ниже Хантайки, Сенька

*) Архив Туруханского монастыря вывезен мною из Туруханска в Красноярск в 1922 г. и ныне хранится в Красноярском окружном архивном бюро. См. заметку в „Сибирских Огнях“ за 1927 г., № 5.

**) Архив Сиб. приказа № 1523. Сведения получены от проф. С. В. Бахрушина. Автор приносит С. В. Бахрушину сердечную благодарность за ряд ценных указаний, сделанных при просмотре работы в рукописи.

Панзерцев—ниже Хантайки, Сенька Ермолин—против Хантайского зимовья, Гришка Тукуреев—по Енисею выше Карасиной. Район Хантайки и Карасиной оказывается, по этим данным, наиболее густо населенным, что, конечно, надо поставить в связь с относительной близостью этого района к Туруханску—основному торговому и административному центру Мангазейского уезда.

Добыча песка не является единственным и может быть основным промыслом промышленников этого района, о чем мы имеем небольшие указания из этого же дела. При опросе посадских и промышленных людей, которые живут близ города (т. е. Туруханска) „на Карасине, на Хантайке, на заостровке, на Селякине“) мангазейский посадский человек Володька Свинын показал: „живут де они посадские люди, вниз и вверх по Енисею реке и промышляют они рыбу и зверей и птицу и тем они кормятся“.

Если в отношении 30-х годов XVII века мы имеем прямые указания на временный характер промысла в наиболее богатых соболями районах Тунгусок, куда направлялись соболеваты по несколько сот человек (в 1626 г.—501 человек, 1634—880 человек, в 1638 г.—586 человек), то для более позднего времени—XVIII века картина резко меняется. Самый характер промысла на соболя совершенно иной, чем на песка. Песцовый промысел требует оборудования ловушками сравнительно обширной территории и это оборудование нецелесообразно производить на короткий срок.

В связь с этим надо поставить заметное уменьшение в XVIII в. временного населения Мангазейского уезда, сравнительно с XVII в.

По переписной книге 1721 г. **) значится в Мангазейском уезде 851 чел. мужского пола. Число женщин мы не знаем, так как перепись охватывала только мужское население. Из этого числа 851 чел. нам важно выделить основные группы:

Основные группы населения уезда и города были следующие:

1. Посадские люди и их дети	214 чел.
2. Казаки, прочие „военные“ и их дети	224 „
3. Промышленные люди и их дети	136 „
4. Администрация (дворяне, дети боярские, подъячие и т. д. и их дети)	68 „
5. Вкладчики монастыря	40 „

Судя по переписной книге 1719 г. в городе жило 242 ч., в Туруханском монастыре 64 чел., в уезде 545 чел.

Перепись, повторяю, охватывает только мужское население, и, повидимому, была произведена по Н.-Тунгуске до пределов Якутского острога на север, вниз по Енисею от города и вверх по Енисею (повидимому до Ср. Тунгуски) по р.р. Пясины, Дудыпте, Хете, Хатанге и Анабаре.

По интересующим нас районам мужское население распределялось в 1719 г. таким образом:

На Нижн. Тунгуске	13(?) землед. хозяйств	с 52 чел.
„ Пясины	5 промысл.	„ „ 14 „
„ Дудыпте	3 „	„ „ 10 „
„ Хете	5 „	„ „ 14 „
„ Хатанге	9 „	„ „ 58 „
		<hr/> 148 чел.

*) То же. Столбец № 1102, л. 12.

**) Архив Сиб. Приказа. Переп. книга № 1026.

При чем на Хатанге 15 взрослых мужчин не имели собственных хозяйств, а жили или у родственников или покрученниками. Из этих 15 человек 11 были семейные.

Переписные книги не позволяют установить точное число промысловых хозяйств низовьев Енисея. Это число может быть только ориентировочно установлено по именованным спискам переписной книги 1719—1721 г.*). Всего отдельных хозяйств вниз по Енисею от Туруханска 100—110. Взрослое мужское население этих хозяйств не менее 300 человек.

Число официально показанных покрученников не менее 40. Хозяйств, имеющих покрученников, не менее 20, число хозяйств, имеющих 3 покрученника и более—4. Эти кулацкие, по современной терминологии, хозяйства располагались или у моря или в Енисейском заливе. Хозяйство Потапова, промышлявшего на берегу Полярного моря, имело 4 покрученника.

Переписная книга 1721 г. свидетельствует, что оседлое население низовьев состояло из посадских людей. Покрученники, преимущественно—„енисейцы“ (не менее 50 проц.), 1 „красноярец“, несколько устюжан и других выходцев русского севера.

Грамотность мужского населения была значительна: из просмотренных мною 62 переписных сказок—22, т. е. свыше 35 проц. имели собственноручные подписи опрашиваемых. Из этих 22 собственноручных подписей—12 свидетельствовали о хорошей грамотности, т. е. можно предполагать, что по крайней мере 20 проц. взрослого мужского русского населения низовьев было грамотно.

Временное население Мангазейского уезда было связано преимущественно с ярмаркой, которая бывала в Туруханске ежегодно, начиная еще с XVII столет. Сюда, на эту ярмарку, съезжались не только Мангазейские промышленники, но и купцы из Енисейска, о чем мы имеем свидетельство Гмелина, посетившего Туруханск в 1738 году и в своем *Reise durch Sibirien*, дающего не только красочное бытовое описание этой ярмарки, но и краткую характеристику промыслов Мангазейского уезда.

...Кроме того, здесь (в Туруханске) должно быть что-то вроде ярмарки. Главным поводом к этому является охота, на которую эти народы уходят на всю зиму на Н. Тунгуску и в низовья Енисея, как на Курейку, Хантайку, Дудину и на многие другие ручьи и реки, дальше—на Хатангу, как и западнее на Таз и Обь и впадающие в них ручьи и реки. Таким образом стараются продавать эту пушнину с прибылью и много зараз (большими партиями). Поэтому, сюда приходят охотники частью сами, частью они доверяют свои товары особо командированным для этого людям. Правда, из язычников приходят немногие для того, чтобы что-нибудь продать; они продают вещи прежде всего русским, которые им хорошо известны, потому что они опасаются, что из благоверия к уважаемым людям придется самим отдать их дешево. Все-таки от этого нет недостатка в язычниках, потому что здесь в обычае всегда удерживать от различных народов

*) Именные списки переписной книги 1719—1721 г.г. дают возможность объяснить происхождение некоторых названий географических пунктов и зимовий в низовьях Енисея. Бреховские острова получили несомненно свое название от семьи Бреховых, имевших промыслы на этих островах в начале XVIII ст., Насонов остров—ст. влад.льца зимовья на острове—Василия Насонова, Нифантьевы яры—от Тимофея Яковлевича Нифантьева. В именных списках имеются фамилии Дуракова, Селиванова, Грибанова, Ананьина и др.—знакомые по названиям современных зимовьев, носящих фамилии своих первых владельцев.

нескольких язычников, их не отпускают прежде, чем в то же время года не будут вновь привезены другие и только тогда позволяют старым идти своей дорогою. Все шло хорошо. Охотники с Хантайки, были здесь. Они послали сюда от своего имени своего священника, который прибыл вечером перед Петровым днем. Тунгусские заложники пришли еще весной со сборщиками податей, недалеко от города жившие самоеды принесли подать во время нашего пребывания в городе, сборщики податей с Таза пришли за несколько дней перед Петровым днем. Также прибыли из Енисейска различные русские и тунгусские купцы, которые выложили свой мелочной товар в нескольких мелочных лавочках. Как только оказались вместе различные партии началась торговля, но все скрытным или почти тайным образом частью для того, чтобы один купец не смог бы отнять что-нибудь перед носом у другого, частью также для того, чтобы никому не могло придти на ум при помощи оружия отнять богатства у тех, кто приехал сюда со многими товарами. Большинство товаров, которые привозят сюда для продажи, это соболя, белые и голубые песцы, молодые лисицы, которые еще не выросли (недопески), белые волки, медвежьи шкуры, по большей части белые, или морские коты, иногда также с Нижней Тунгуски молодые медвежьи шкуры, почти как серебрянного цвета. Также оттуда шкуры россомах, обыкновенные лисицы, по временам также черные и серые. Еще один товар обыкновенно привозят с Авама, именно замшу, которую тамошние язычники выделывают из молодых северных оленей и которая, повидимому, ни с чем несравнима по своей мягкости**).

Низовья Енисея в первой половине XVIII века

Начавшееся во второй половине XVII века заселение низовьев Енисея усилилось в начале XVIII века. К этому времени песец приобрел полное право ходового товара на сибирских рынках и, в частности, на Туруханской ярмарке. Здесь туруханский песец по своим качествам ценился дороже песцов других районов Сибири, о чем говорит Гмелин: „песцы, белые волки и морские коты, которых ловят на Енисее, славятся тем, что они значительно превосходят по величине всех тех, что происходят из других местностей, поэтому они всегда и выше по цене, чем те, что получают с Оби и Лены. Им приписывают также лучшую и более толстую шерсть **).

Песец сделался в XVIII веке своего рода денежной единицей в Мангазейском уезде, каким был соболь в XVII веке—бесспорным валютным товаром, по современной терминологии. Расчеты между торговцами производились на песца, на него переводили стоимость забранных продуктов и вещей. Так, священник Хатангского погоста Петров, жалуюсь в 1743 году на обиды, причиненные ему в Дудинке бывшим винным откупщиком Тюрепиным с братом, пишет: „да еще оные Тюрепины взяли у меня нижайшего, а именно, Иван—нартенное полозье доброе, цена десять песцов, полтретья беремя собачьего корму осетрового, цена пять песцов, две собаки—цена двадцать песцов, Михайло—песца черного доброго, цена два рубли, беремя собачьего корму—цена два песца“ ***).

Ценностью Туруханского песца объясняет Гмелин заселенность низовьев Енисея: „поэтому и происходит то, что русские ни на какой

*) Reise durch Sibirien. Рукописный перевод под ред. В. П. Косованова.

**) Reise durch Sibirien. Рукописный перевод под ред. В. П. Косованова

***) Архив Туруханского Троицкого монастыря. Дело 1743 г.

другой реке так не селятся, как на этой (Енисее). От Мангазеи до моря, даже на самом берегу моря до Пясины и до Хатанги и вдоль Хатанги, повсюду встречаются частые русские жилища, при чем некоторые русские по временам меняют их, некоторые же сохраняют в течение всей своей жизни и живут там со всеми их семьями. Свободные люди также уезжают туда большими партиями: ловля вышеуказанных зверей очень выгодна и молодой человек, который хочет что-нибудь заработать и который несколько экономен, если даже бос, полугол, идет туда и легко находит хозяина, тот его нанимает, одевает и дает хорошее жалование или чтонибудь определенное с улова, вместо жалования, так что в несколько лет он может хорошо поправить свои дела. В течение лета, когда кроме северных оленей не на кого охотиться—можно поймать большой запас рыбы, при чем в крайнем случае могут помогать женщины и дети.

И Енисей не настолько богат рыбой, как например, Обь, все таки и там можно добыть себе достаточное количество пищи* *).

Необходимо критически отнестись к указанию Гмелина о легкости заработка в низовьях Енисея для „не совсем босых и полуголых людей“. Гмелин, конечно, писал эту фразу со слов крупной Туруханской администрации. Ниже мы увидим, что заработок в низовьях не был для пролетария XVIII века так велик, как это кажется Гмелину, а условия существования „покрученников“, поступивших на промыслы к хозяевам-промышленникам в зимовья, находящиеся в суровой обстановке крайнего севера—были очень тяжелыми. Существенные дополнения к Гмелину дает Харитон Лаптев, непосредственно соприкасавшийся с промышленниками низовьев. Лаптев встретил русских промышленников в устье Пясины, где „жители—русские из г. Туруханска, имеют свои коренные зимовья, около которых в зимнее время промышляют песцов, а иногда и белых медведей; питаются рыбой и белыми гусями***). Лаптев имел дело с русскими промышленниками и у моря между Пясиной и Енисеем: „Берег... средней величины... таково свойство до заворота земли к югу (то есть до Енисейского залива), на котором частые зимовья у малых речек—живут промышленники песцовые****). Лаптев посетил и промышленников, живших и в Енисейском заливе и его показания для нас особенно важны.

„Ниже сего города (Туруханска) состоят по реке и до самого моря зимовья, в которых русские, живучи, промышляют песцы и лисицы и зайцы, а питаются рыбой и привозным хлебом, меняя на рыбу. Скота кроме собак не имеют, на которых ездят зимою... У всех промышленников по реке Енисею русских, не весьма довольно богатства их, в чем бы ни было, понеже коренных, или называть давне живущих на сих местах очень мало, но многие набродные, из русских городов, с паспортами просроченными и беспаспортные, которые уже и в переписи г. Мангазеи состоят. Обычаи имеют: великие охотники в карты играть, покупая дорогою ценою; також слабы очень к вину горячему, которое временно привозят государево из г. Мангазейска и тем у них у нарочитых токмо с год на год довольства достает; а на туж рыбу выменного хлеба, изверяя что не промышлят, отдав государево, проигрывают и пропивают тому, у кого бывает вино.

И для того, обстоятельно житья их здесь, потомуж и на других показанных реках, местах в основании положить нельзя; понеже мно-

*) Reise durch Sibirien. Рукописный перевод под ред. В. П. Косованова.

**) Записки Гидрогр. Департамента Морского министерства. 1851. Часть IX. Записки лейтенанта Харитона Прокопьевича Лаптева. Стр. 26.

***) Тоже стр. 27.

гие свои заводы пропивают и проигрывают мангазейским служилым и жителям, и между тем некоторые и пусты состоят; а паче около моря, от усть Енисея к востоку до усть-Пясинских мест; к тому ж у них ловы песцовые не на всякой год довольны бывают, но через несколько лет приходит песец в зимнее время; а когда не бывает промыслов, должаются в доимку; так и прочим у кого что возможно взять, которые или промышляют, или на них“.

Лаптев подчеркивает немногочисленность коренного русского населения низовьев Енисея, то соответствует и данным переписи 1721 г. В то же время он указывает на значительное число такого элемента в низовьях, как людей с просроченными паспортами и беспаспортных. Следовательно не один заработок служил стимулом движения на север русского неимущего населения, но и мотивы другого рода—желание скрыться от администрации.

О том, что вначале XVIII века низовья Енисея были „густо населены“ имеются и другие данные: карта Гензелиуса 1745 г. составленная на основании описи Великой северной экспедиции. (См. приложение № 2). На этой карте низовье Енисея усеяно зимовьями: по правому берегу до моря, от Дудинки насчитывается 38 зимовьев и один магазин, по левому—20, на берегу моря от мыса Северо-Восточного до устья Пясины включительно—9, всего же 68 населенных пунктов.

В более поздних картах XIX века и начала XX число зимовьев значительно меньше, что позволяло ряду исследователей делать заключение о значительном упадке промыслов в наше время на севере сравнительно с первой половиной XVIII века. Но к карте 1745 г. необходимо отнести очень осторожно: на ней показаны те зимовья, которые, по свидетельству самого же Лаптева, были необитаемы (например, на морском берегу), ряд зимовьев имеют даже на карте пометки „пустые“. И Гмелин и Лаптев единогласно говорят о том, что промышленники меняют места своих промыслов. Поэтому карта 1745 г. отнюдь не дает статистку населенных пунктов наших низовьев 40-х годов XVIII века. Эта карта показывает все зимовья, построенные в низовьях Енисея с момента прихода русских до 40-х годов XVIII века, независимо от того, были ли обитаемы эти зимовья в XVIII веке или нет. В истории низовьев Енисея повидимому не было такого момента, когда все эти 68 зимовьев одновременно использовались для промыслов. Часть их всегда „пустовали“.

Лаптев говорит об упадке промысла в XVIII веке и объясняет этот упадок пьянством и картежной игрой, но это объяснение, конечно, наивно, потому что на севере и пили и картежничали и в XVII веке, и во время Лаптева, и в наше время. Но другое замечание Лаптева заслуживает особого внимания—это замечание о периодичности песцового промысла на севере. О периодичности „хода“ песка говорят и в наше время в Туруханском крае, но до сих пор никто не дал обоснованного объяснения этому явлению, а между тем в экономике промысла эта периодичность имеет крупное значение. В годы, когда песка мало, промышленникам приходится „перебиваться“, входить в долги, о чем пишет тот же Лаптев. Вся обстановка севера способствует тем искривлениям быта, которые поразили Лаптева в Туруханском крае. Эти искривления затрудняли для мелких промышленников существование в годы неполного промысла.

В связи с этим и особенностями промысла, а также с трудностями доставки продуктов, о чем я говорил выше, надо поставить быстрый процесс концентрации промысла в низовьях Енисея в руках крупных промышленников. Этот процесс начался еще в конце XVII века, но

достиг максимума в начале XVIII века, когда около половины всех зимовьев правого берега Енисея (севернее Дудинки), фактически оказалось в руках Троицкого Туруханского монастыря.

Троицкий Туруханский монастырь.

Монастырь был основан в 1670 г. и к началу XVIII века представлял собой крупнейшую торгово-промышленную организацию всего Приенисейского края. Монастырь располагал большими земельными фондами, насчитывающими сотни десятин пахотной земли и различных угодий. Его вотчины были раскинуты на тысячи километров в Приенисейском крае, по р. Кеми, на Ангаре, на Енисее у Казачинского и даже по Нижней Тунгуске, верховья которой были монастырем освоены в с.-х. отношении уже в конце XVII века.

У него были соляные промыслы в Троицко-Усольской вотчине, лавки в Енисейске и Туруханске, соляной амбар в Енисейске и там же Абалатское подворье—своего рода отделение торгового дома, производившее всевозможные торговые операции, бравшее поставку соли в основные населенные пункты края и производившее закупку различных запасов для нужд монастыря, а также управлявшее отдаленными вотчинами. Для характеристики хозяйственной мощи монастыря приведем список монастырских вотчин по ведомости 1764 года *).

Тунгусская вотчина, в оной	101	крестьян.
В г. Енисейске, Абалатское подворье, в оном домовых	11	"
В Енисейском уезде, Балахтинская вотчина, в оной	24	"
В д. Барковской	51	"
В д. Вагиной	25	"
В д. Мысовской	19	"
На мельнице (Казачинской)	11	"
В Троицко-Усольской вотчине	36	"
В дер. Культучкой	68	"
В дер. Черной	25	"
В дер. Мурманской	23	"
В дер. Глинской	25	"

399 "

Как велико было сельское хозяйство монастыря, видно из ведомостей засеянного хлеба.

Так, в 1754 году „по урожаю явилось“ в Тунгуской вотчине ржи—561 п., ярицы—187 п., ячменя—450 п., да кроме того взято с крестьян окладного, оброчного хлеба за 1753 г.—280 п. ржи и 280 п. ячменя **).

Было засеяно хлеба в Казачье и Балахне:

Ярового овса на 7 десятинах по 20 пуд.	140
Ячменя 4 " 12 "	48
Ярицы 3 " 12 "	36
Пшеницы 2 " 12 "	24
В Балахне ржи 16 " 8 "	128

*) А. Т. Т. Дело 1764 г. Об архиве монастыря см. мою заметку „Сибирские Огни“ 1927 г., № 5.

**) А. Т. Т. Дело 1753 г. Об архиве монастыря см. мою заметку „Сибирские Огни“ 1927 г., № 5.

Да на крестьянскую	четвертную	пашню	казенную.	64
В Усолье ржи	80	"	8	640
Овса	10	"	20	200
Ячменя	8	"	18	96
Итого . . .				1376

Таким образом на всех монастырских вотчинах засевалось около 1700 пуд. в год. Накашивалось сена в одной Усольской вотчине 3690 копен, да оброчного с пашенных крестьян 3910 копен.

Количество различного скота характеризуется следующими данными 1764 г.; на Казачинской заимке было рогатого скота 16, лошадей 8; в Усольской вотчине, в состав которой входили деревни: Култуцкая, Чорная, Мурманская и Глинская, обслуживающие нужды солеваренного завода—рогатого скота 69, лошадей 64 и свиней 20. В Тунгуской вотчине было лошадей 16, дойных коров 16, нетелей 4, до 1 „порозь“, быка 4, телят 12 и овец 30.

Население монастыря и его вотчин было, как мы видели, большое: одних крестьян и дворовых было 399, да кроме того наемных служителей в 1754 г. насчитывалось 76 человек. О динамике населения самого монастыря мы не можем составить ясного представления, вследствие наличия в монастырском архиве только данных о населении монастыря и его вотчин вместе. По переписи 1721 г. число монастырских вкладчиков и их детей мужского пола было 40.

Монастырь представлялся прочной хозяйственной организацией местным жителям. Мангазейская канцелярия в 1733 году обращается к нему с просьбой о выдаче хлеба голодающему населению Туруханского края. В 1738 году та же канцелярия требует от монастыря доставить снабжение судну Северной экспедиции, застрявшему при переходе из устья Оби в устье Енисея. В 1740 году требует собак для доставки досок на ремонт „внутри поврежденных мест от мелей“ бота „Обь-почталион“ штурмана Минина.

Обороты монастырских предприятий были велики: в 1756 году монастырь берет поставку в Туруханск 3000 тыс. пудов соли, в 1754 г. делается распоряжение переплавить со спекулятивной целью 2500 п. хлеба.

Промысел монастыря в низовьях Енисея.

Вполне естественно, что в монастырской среде, где купля—продажа была обычным делом и где происходили всевозможные торгово-промышленные операции, легко зародилась мысль о переброске монастырской деятельности в низовья Енисея. Первые зимовья в низовьях монастырь, как говорилось выше, приобрел еще в XVII в., но для XVII века у нас нет данных о том, как эти зимовья эксплуатировались монастырем. В 1700 г. монастырь уже сделался крупнейшим промышленником севера. „У старца Давыда Чюпрова с братией с монастырского их промыслу, что им от покрученников досталось с 740 песцов белых, с 30 песцов голубых, с 10 недопесков голубых же и норников с 250 постелей оленьих“ *) была взята десятая пошлина. Судя по ясашной книге 1701 г. промысел других промышленников не превышал 500 песцов на отдельное промысловое хозяйство. В архиве монастыря первые сведения о промысле в низовьях относятся к 1724 г.

*) Архив Сиб. приказа. Ясаш. книга № 1353 Л. 154-а.

Мангазейской ратуше сообщил сборщик посацкий человек Василий Красноперов, что „явились в Мангазейском дискрипте Троицкого Туруханского монастыря зимовья со всеми промышленными угодьями и с рыбными ловли и оные заводы заведены промеж мангазейскими посацкими людьми и те заводы чинят посацким людям немалые помешательство“. Повидимому монастырь до 1724 г. эксплуатировал свои зимовья сдачей в аренду, а в 1724 г. начал эксплуатировать собственными силами.

Появление монастыря в виде промышленника не встретило сочувствия на низу—слишком это был опасный конкурент. Вот потому промышленники спешат сообщить сборщику о том, что монастырь не платил следуемых с него пошлин: „оные заводы были положены воклад десятой деньги в рубль 16 алтын 4 деньги и с одного окладу десятой деньги свыше указанных заводов надлежало взять (различных сборов) 18 рублей, 19 алтын, 4 деньги и запросных по разным указом и с тех заводов купеческих всякой подати в оную ратушу сполна бездоимки“.

Организовать новое предприятие не представляло затруднений для монастыря, обладавшего капиталом и достаточно налаженным хозяйственным аппаратом. У монастыря был большой штат различных служителей и вкладчиков, среди которых были опытные промышленники. Наличие первых двух моментов—капитала и хозяйственного аппарата давало монастырю преимущество в сравнении с мелкими промышленниками. К различным торгово-промышленным операциям Аблатского подворья в Енисейске были без увеличения штата добавлены новые—закупка провианта, необходимого для промысла, и эти грузы стали доставляться в монастырь вместе с общим для всего монастыря снабжением. Мелкий промышленник переплачивал енисейским купцам за сплавляемый хлеб на барках—15 коп за пуд в Туруханске, а ниже еще дороже, монастырь же закупал хлеб в Енисейском уезде по 7 коп. или брал его из своих вотчин. Свою добычу промышленники вынуждены были сбывать на Туруханской ярмарке, монастырь же продавал ее в Енисейске, где цена пушнины всегда стояла дороже. Вот потому создались для монастырского промысла экономически другие условия, при которых монастырь мог промышленлять даже в мало промысловых районах, где частный предприниматель работать не решался.

Монастырь воспользовался немногими из своих многочисленных зимовей, основное ядро которых им было приобретено от Филатьева, по описи 1752 г.—всего только 11: Коренным, Грибовским, Корговым, Малым, Судейским, Крестовым, Прилушным, Губским, Волгино, Рыбным и Нижним. Главная масса зимовьев осталась пустой или отошла от монастыря другим лицам; это видно из того списка зимовей, который я привожу ниже, дополняя список 1752 года цитированной выше описью поступных писем и руководствуясь картой Гензелиуса 1745 года:

1. Дудинское—бывшее казака Строгонова до 1720 года, не отмеченное ни в списке монастырских зимовей 1752 г., ни на карте Гензелиуса, а между тем поступившее в монастырь по поступному письму и безусловно обитаемое по другим данным монастырского архива. В этом зимовье монастырь не промышленлял.

*) 2. Верхне-Троицкое—Судя по своему названию это зимовье принадлежало монастырю. Оно не значится ни в списке 1752 г., ни в описи 1765 г. Может быть в списке 1752 г. оно называется Коренным.

*) 3. Рыбное (по списку 1752 г.)

*) 4. Прилучное (тоже).

5. Бакаревское—по описи 1765 г. „выше речки Гольчихи, ниже Прилучного“.

*) 6. Вагнino—По описи 1765 г. „выморочное в Гольчихе промышленного человека Ивана Григорьева сына Вагина“, в описи 1752 г. может быть оно называется Губским, как лежащее в начале Енисейской губы.

*) 7. Грибовское—По списку 1752 года.

*) 8. Корговское—Тоже.

*) 9. Коренно-судное—в списке зимовьев 1752 г. мы имеем два зимовья Коренное и Судейское, на карте 1743 г. одно зимовье с двойным названием. Предполагаю, что Коренно-Судное карты 1745 г. —Судейское списка 1752 г.

*) 10. Крестовское—По списку 1752 г.

11. Пусто-Троицкое—Судя по названию карты 1743 года оно было необитаемо.

*) 12. Волгино—По списку 1752 г., на карте 1743 г. у Волгино отмечен маяк, поставленный северной морской экспедицией.

13. Киташево—На карте стоит надпись,—слова: „зимовья Туруханского монастыря“.

14. Митано—Название в карте показано неверно, рядом стоит такая же надпись, как у зимовья Киташево.

*) 15. Нижне-Троицкое—По списку 1752 г.—„Нижнее“.

*) 16. Малое—По списку 1752 г.

Зимовья по берегу моря.

17. Убоино

18. Реченско

19. Зверев

20. Моржевское

21. Здоровское

22. Ершово

Эти зимовья числом 7 показаны по берегу моря от мыса Северо-Восточного до устья Пясины на карте 1745 г.

Тоже число зимовьев приобрел монастырь от промышленного человека Тошина в 1710 году.

На левом берегу.

23. Кожино—По описи 1764 г.—„напротив Казанцева острова, на юратской стороне промышленников Михаила Басова, да Саввы Яковлева Кожевина“.

В этот список я включил только те зимовья, которые бесспорно принадлежали в то или другое время монастырю. Звездочкой я отметил зимовья, в которых промышляли в 1750 годах. Возможно, что список надо дополнить зимовьями: Стрелово, ибо трудно предполагать, что рядом с основным монастырским зимовьем могло находиться зимовье другого промышленника. По той же причине надо считать монастырскими зимовьями: Сарикское и Гусино. Конечно эти зимовья уже пустовали в середине XVIII века.

Таким образом Троицкий монастырь бесспорно владел из 38 поселений правого берега к северу от Дудинки—по крайней мере 16-ю, из 9—побережья—7-ю. Следовательно он был крупнейшим владельцем зимовьев на нашем севере с конца XVII века до 1765 года, когда его владения были секуляризованы.

Из этого огромного числа зимовьев отпали от монастыря в разное время по неизвестным, но наверное разнообразным причинам: Дудинское (среди жителей которого, между прочим и сейчас сохранились предания, что это поселение принадлежало раньше Троицкому

Туруханскому монастырю), Бакаревское, 7 зимовей по берегу моря и Кожино на левом берегу. Вообще у монастыря был излишек в зимовьях, так как §§ 7 приказа игумена передовщику монастырских загубских зимовей, своего рода инструкция 1751 года требует осматривать пустующие зимовья, составить их список, выяснив „в коих можно жить и промыслять и в коих сколько имеется ловушек кулемника и пасника и в коих не имеется“ *).

Монастырские зимовья начинались, примерно, 850—900 км. от Туруханска и шли по правому берегу на протяжении 250 км. в расстоянии 10—40 км. друг от друга. Стояли они обыкновенно на угоре—возвышенном месте, недалеко от берега Енисея, при устьи небольших речек или ручьев.

Тип их постройки достаточно устойчив и сохранился до нашего времени. Многочисленные развалины, стоящие и поныне в местах, отмеченных зимовьями в карте 1743 г., дают нам возможность составить представление о внешнем виде зимовьев. Гмелин правильно называл их крытым двором. Это достаточно полно определяет постройку, характерной особенностью которой является перекрытие общей крышей, связующей в одно целое все жилые и нежилые помещения.

Раскопки развалин зимовья Малого **) показали, что зимовья в общем представляли одну жилую комнату, где сосредотачивалась вся жизнь промышленников, и большое число (6—8) нежилых помещений, всевозможных клетушек и кладовых, конур для собак, бани и большого двора—все соединенные между собою и находящиеся под одной крышей. Чтобы удержать тепло внутри зимовья, оно делалось невысоким, наружные и внутренние двери в жилую комнату и в переднюю обивались войлоком, окна прорезывались крохотные, одно—два на комнату, в них вставлялась вместо стекол слюда или может быть пластинки льда. Материал постройки—плавник, в изобилии выброшенный Енисеем тут же на берег. Только пол сделан из привозного материала—толстых плах, служивших, может быть, обшивкой барки. При постройке стараются обойтись исключительно местным материалом, даже пегли дверные сделаны не железные, а использовано дерево. Вся скудная обстановка внутри—широкие лавки, идущие вокруг стен жилой комнаты и в кладовых, несколько стульев и один шкаф сделаны примитивно и наспех.

По словам местных жителей, остатки зимовьев в других местах Енисейского залива идентичны Малому. План развалин на речке Глубокой, где стояло в XVIII веке зимовье Судейское, такой же, как и Малое.

По словам Н. Н. Урванцева, совершившего экспедицию на лодке близ берега от устья Пясины до строва Диксона—остатки тех 7 зимовей, которые были приобретены монастырем в 1710 году у Фролова и которые, надо думать, оставались пустыми уже в XVIII веке, приближаются также по своему плану к зимовью Малому. Поэтому тип этого последнего зимовья надо считать обычным не только для начала XIX века, но и для XVIII века.

Инвентарь зимовья, судя по раскопкам, насчитывал для начала XIX века большое количество названий и состоял, главным образом, из различных орудий и инструмента, необходимых для промысла и связанных с ним ремесл—кузнечного и плотничного.

*) Архив Троицкого монастыря. Дело 1751 г.

**) Н. К. Ауэрбах. Зимовье в Енисейском заливе: Северная Азия 1928 г. № 5-6.

Для XVIII века инвентарь зимовья более скуден: для характеристики мы позволим себе привести полностью опись 1752 года: „Троицкого Туруханского монастыря вниз Енисея реки загубоких зимовей, что чего принято Федором Митрохиным от передовщика Мартына Харламова“.

„Коренное зимовье при нем заводу кулемного 900, пастника—50; отежье зимовья: Грибово зимовье при нем заводу кулемного—300. Корговое зимовье кулемного заводу 450 кулем, 15 пастей; Мало зимовье двоеужинное, при нем кулемнова заводу—1000, пастника—60; Судейско зимовье двоеужинное при нем заводу кулемного—350 кулем, 40 пастей; Прилушное зимовье при нем заводу кулемного—300, 20 пастей; Губское зимовье, при нем заводу кулемного—400, 20 пастей; Волгино зимовье, при нем заводу кулемного—400, 20 пастей; Рыбное зимовье, при нем заводу кулемнова—200, пастей 10; Нижнее зимовье, при нем заводу кулемнова—400, 20 пастей.

9 котлов медных средних з дугами и с ушми железными по весу один пуд 23 фунта; 4 котла маленьких медных з дугами и с ушми железными по весу 16 фунтов; котлов ветхих 5 по весу 22 ф. з дугами и ушми железн.; куб, да рукомойник по весу 4 фунта с четвертью; безмен железный пяти пудовой; безмен деревянной двупудовой, гиря медна; котлов железных ветхих пополуведра, еще котел железный в полтора ведра, один котел жел. в два ушата, котел жел. бросовой.

У анбара замок нутренней, замок висячей, цепей собачьих—54, в том числе ветхих—6, пробоев цепных—10, три пешьни, в том числе одна долоть-на; ветхих топоров широких 32, топоров же ветхих усских—10, топоров широких и усских—9; крюки спусковые один резец шестовых оков—4, две трубицы пешонные ломаны, веретено ломано, точило, клещи ломаны, петли дверные железны ломаны, крюк ломаной котельной, два точила одно выдержано с веретном, 6 крюков котельных, звериных рогатин—10, две клюки железны, 2 заслонки железны, один тупик, заступ, сковородник, 17 сковород, три..., трупка нартена, 4 сверлока лотошных в станках, две напары небольшие, 13 сверлоков нартеных, кузнешной завод, наковальна по весу 30 фун., клещи, 2 молота, две тесла, дверные клюки с петлями, два крюка дверные, одна петля, скобель круглая, 7 скобелей плоских, одно долото, еще два долота негодных. Два невода по сту по пятидесяти по пять сажень с титивами конопляными; неводного пля 300 сажень, половинок осетровых—21, пушальниц мускуновых 19, стоянок сетеных—250 саж., конопляных стоянок ветхих—50 саж., пушальниц омулевок—34, 3 прогона в том числе один жилной, постель алышных—15, постель спальных—18.

Балаганных одеял—4, одеял хвостовых—14 в том числе годных—9, негодных песцовых хвостов—130, две лодки троеужины по них по парусу по 12 полос ветхих, два неводника один ветхой, одна ровдуга, два ластва белужих, 400 корбасов корму собачьего. Снастей нартеных—13, собак старых—28, щенков молодых—20, четыре суки, якорь ломаной, кошка негодная, обломок якорной, два ножа ветхие“.

Судя по этой описи, монастырские зимовья были хорошо оборудованы песцовыми ловушками: в них было—5760 кулем и 280 пастей—огромное число для промыслового завода и современного промышленника. Впрочем неизвестно, в каком состоянии эти ловушки находились, может быть многие из них пришли в негодность.

Пастник пользуется и по сие время большим распространением, им промышляют и русские и туземцы. Состоит пасть из двух парал-

лельных рядов кольев, между которыми—метра в 3 длиною бревно, один конец которого приподнят „брыкальцом“, упирающимся в „насторожку“. Зверь, попадая между кольев, задевает насторожку и прихлопывается падающим бревном. Пасти ставятся обычно на возвышенном месте, чтобы не заносило снегом. Обезд производится регулярно несколько раз в течение зимы, при чем пасти систематически ремонтируются.

Другой способ ловли кулемами теперь не практикуется. Местные промышленники говорят, что и раньше никогда песка не промышляли этого типа ловушками, сохранившимися до нашего времени только для лисицы и соболя и представляющими ловушку очень близкую к мышеловке, только, конечно, больших размеров. Между тем, судя по описи 1752 года основное ядро монастырских ловушек составляли как раз кулемы, их было 5760, в то время как пастника только 280. Некоторые из зимовьев, напр. Малое, район промысла которого захватывал острова залива и в том числе Диксон и Вернс—одно имело 1000 кулем. До сих пор по берегу залива, ниже Зырянки до Ефремова камня, промышленники встречают развалины старых кулем, несколько другого типа, чем на лисицу. Это срубы вышиной и шириной 1,5—2 мт, длиною мт 3, стоящих в долинках. Крыша их вращается на бревне, положенном поперек сруба таким образом, чтобы зверь мог провалиться в ловушку, как только он вступит на поверхность крыши.

Промышленники предполагают, что это ловушки на крупного зверя—медведя, между тем, всего вероятнее, мы здесь видим остатки монастырских кулем.

Лов песка посредством отравления, повидимому, не употреблялся. Только в одном доношении мы встречаем просьбу передовщика прислать „сахару белого, которого звер боится“, но и этот яд предназначен был для росомах, которые разоряли пасти: „не даст ловушке постоять“.

Сравнительно прилично оборудованы зимовья и рыболовной снастью: имеются два неводника и следовательно промысел производился в два невода, кроме того мелкой снастью, пущальнями, стоянками и т. д. Остальной инвентарь явно недостаточен: плотничный инструмент ветх, также не полон кузнечный набор. Для 11 зимовей этих инструментов было явно недостаточно. Слабо также обстояло дело и с домашней утварью. Транспорт также невелик. Он достаточен для обслуживания промысла—28 собак и 13 нарт, но его должно не хватать для перевозок зимних запасов из Туруханска на промыслы—одной только муки 200—500 пуд. Поэтому для транспортирования провианта монастырю надо было добывать собак со стороны, что было, надо думать, весьма неудобно, так как собак на севере мало и всевозможная нартенная снасть ценилась в XVIII веке очень высоко. Мы видели, что священник Петров оценивал собаку в 10 песцов, нартенные полозья по 20 песцов—штука, а охпку корма собачьего—2 песца. Конечно песцелюбивый священник преувеличил действительную стоимость этой снасти, но все же она была безусловно дорога, так как дерево для полозьев было принято выписывать из Енисейска.

В 1740 году в Туруханске не нашлось 5 запряжек собак для перевозки 20 досок на ремонт судна штурмана Минина, который, как командир судна и член Северной экспедиции, с такой тщательностью снабженный правительством, обладал громадными для того времени полномочиями. Местные власти не могли найти собак во всем городе

и вынуждены были обратиться к монастырю, у которого также собак в достаточном числе не оказалось. Крупнейший промышленник севера, где „лошадиного зимнего пути никогда не бывает, кроме одного нартяжного пути на собаках“, не имел достаточного транспорта, а отсюда ясно, что у мелких промышленников этот вопрос стоял еще острее.

И все-таки запасы посылались из монастыря зимним путем. Может быть привлекали туземцев с оленями, хотя это сомнительно, так как в районе монастырского промысла на оленях не принято ездить: местные люди говорят, что здесь отсутствует олений мох. Казалось бы самым целесообразным доставлять запасы на зиму речным путем и, повидимому, в 1730 годах грузы плавались в зимовья на дощанниках, но в конце этих годов речной транспорт монастыря пришел в негодность и не возобновлялся. Уже в 1732 г. мы встречаем в описи монастырского имущества, составленной в связи с бегством казначея Иоанна такие пометки: „а в монастыре судна никакого нет, за Тунгузкой судно дощеник ушло и все гнило и в ход не годно, а лодок больше в монастыре нет“. Далее в той же описи мы читаем, что к морю были посланы в 1731 году однопобойные лодки и что передовщики отзываются об этом транспорте, как совершенно негодном для плавания в заливе. Мы узнаем о зимней транспортировке груза по времени отправки доношений передовщиков монастырю: доношение, помеченное „подано февраля 9 дня 1754 года“ содержит: „объявляю вашему благословиению, дошли до своих зимовей в добром здравии вашими святыми молитвами“, другое доношение, отправленное 9 ноября и полученное в монастыре 24 января 1756 года, сообщает: „а посему пишу вашему благословиению, ведомоч, то который запас послан—дошел в добром благополучии“.

Доставка запасов была безусловно весьма затруднительна, так как доставить надо было по весу большое количество груза. Заготовка всего необходимого для зимовьев производилась, как мы говорили, в Енисейске и к концу лета приплавлялась в монастырь. Отсюда же шло дальше с монастырским служителем, или же самим передовщиком, приезжавшим за провиантом с низовьев. О размерах заготовок можно судить по следующей ведомости: „расход 1753 года. К тем же зимовьям на потребу разных товаров, а именно: муки ржаной 300 пудов, в 80 мешках, мотов толстых 500, тонких 210, 10 топоров широких средней руки, 5 узких, да еще 5 узких, 10 цепей собачьих, клячей неводных 260 саж., конопля 1 пуд.. смолы 8 ведер, еще 4 ведра, лодка троеуженая, гвоздя лодочного—100, десять в том числе 30 четвертных; скоб лотошного—100, три трубки нартяные, 6 горшков, десять бумаги писчей“.

Если мы посмотрим те требования на инвентарь, которые посылались передовщиком монастырю, и сравним эти требования с тем, что фактически отправлялось в зимовья, то убедимся, что игумен экономил средства на закупку материалов и старался выполнять требования передовщиков теми продуктами, материалами и инвентарем, которые могли быть получены из монастырских вотчин. Цепи собачьи заказывались в Усольской вотчине, где при солеваренном заводе у монастыря было свое железоделательное производство, там же гнали смолу и дегать.

Хлеб поступал из всех вотчин, но он ценился на севере так же высоко в XVIII веке, как и теперь из-за трудности доставки. Монастырь его экономил, посылая на промысел в зависимости от нанятых работников. В 1756 году туда было послано 500 пудов.

В 1758 году монастырь заказывал Енисейску заготовку ячной крупы 50 пудов, гороху 20, семян конопляных 10 и 100 пудов ржаного солоду.

В организацию промысла монастырь не внес ничего нового, пользуясь навыками, уже сложившимися в крае. Отдаленность от монастыря, трудность сообщения с зимовьями и своеобразный уклад всей жизни низовьев заставили выделить эти промыслы в особую отрасль монастырского хозяйства с отдельным управлением. Во главе был поставлен приказчик-передовщик, облеченный большими полномочиями, фактический хозяин всего Енисейского залива, он принимал зимовья, с их заводами, инвентарем и продуктами по особой описи, нанимал покручников, если не находил их, сдавал зимовья в аренду и следил за всем промыслом.

Переписка монастыря с передовщиком полна всевозможными доносениями последнего и приказами игумена трафаретно начинавшимися: „по указу Ея Императорского Величества“. Главная забота передовика была забота о снабжении промыслов. В каждом своем доношении он просит игумена прислать то или другое из инвентаря или продуктов, необходимых для зимовьев: мотов, кожи, топоров, цепей и проч. Отсутствие многих названий в описи монастырских зимовьев заставляло передовщика особенно настойчиво требовать от игумена различные предметы нужные для промысла и инструменты.

Передовщик материально был обеспечен. Он получал жалование 4 рубля деньгами, жил на всем готовом и кроме того, имел долю в одной трети песцового промысла („тебе жалование, как деньгами, как и третью песцами определено не скудное“, читаем мы в приказе игумена 1755 г.).

И все-таки несмотря на такое обеспечение передовщики постоянно злоупотребляли своим положением, растрачивая монастырских песцов и предметы инвентаря. В приказе 1755 г. передовщику „крепко подтверждается промыслу песцового как тебе, Харламову, так и покрученикам отнюдь на вино не продавать“, а в другом приказе говорится: „не безизвестно в здешнем монастыре учинилось, что неводные пушальни продаете вы на сторону“. Все приказы игумена сводятся к тому, чтобы установить какую либо отчетность, иметь возможность проверить расходы передовщика и пресечь злоупотребления. С этой целью пишется в 1751 г. особый приказ-инструкция, из которого приведем два характерных параграфа.

§ 8.

„Оные зимовья от тебя, Мартына, сколько числом отданы в прошлых годах и ноне на оброк и почем которое и кому именно и писанном тобою в каждый год о том в монастырь. И буде деньгами брано, то поскольку рублей и такие деньги на какой расход употреблен тобою прислать ответ безолжи по неже уведомо здесь, что отдаваны тобою зимовья, в котором и деньги тобою браны, а сколько и на что держаны заглужено.

§ 9.

Прежнего передовщика сколько он годов жил во всей своей бытности и отдавал зимовья в кортом, поскольку в год и по чем за то в год деньгами или песцами принимал и куды те песцы и денги употреблены им о том тебе Харламову у покручников своих и кто от него держал сколько годов оные зимовья справится и отрепортовать без всякой лжи“.

Несмотря на большую самостоятельность и хорошие доходы, как явные, так и тайные, передовщики постоянно сменялись. Условия

жизни на севере были и тогда очень тяжелыми. Люди болели цынгой, всевозможными простудными заболеваниями. Один передовщик—Михайло Михнин, под влиянием всей обстановки даже впал во временное помешательство. Его болезнь выяснилась ни сразу и только в 1739 году, когда он был на судне лейтенанта Овцина (ему было поручено доставить на судно провиант), он начал заговариваться и обратил на себя внимание окружающих. Дошли известия до Мангазейской ратуши и она преоморией сообщила об этом монастырю: „рострига Михайло Михнин сказывал всенародно будучи де на морском судне и болезновал паки явились де мне Пресвятая Богородица Дева и образ Николая Чудотворца, что был за губою, и рече мне Пресвятая Богородица, Николай Чудотворец—монах де маленький скажи всему народу, чтобы в народе матерно не бранились и поставили бы де святую церковь на возморе у речки Гольчихи“. Подлекарь засвидетельствовал, что Михнина „мучит меланхолия" и он был сменен. В архиве мы встречаем около 7 фамилий передовщиков в 1730—60 годы. Передовщик 50-х годов Харламов несколько лет просил у игумена отпустить его в город, ссылаясь на то, что он цынжует. В 1753 году он выставил еще другое более „серьезное" основание: „да о сем прошу твоего благословения смени того ради... и памяти нету, а начевал я весною в сем году три ночи, ехал с веснования—пообещался Василию мученику отслужить молебен, а отныне ночевал две ночи и мало опять не замерз, пожалуй... перемени“.

Харламов, по мнению игумена, не приносил никакой пользы монастырскому промыслу, но его все-таки не сменяли. Видимо подходящих людей для смены не было.

Эксплоатация зимовьев производилась двумя способами, которые применялись в зависимости от наличия свободных людей на низовьях. Первый—наиболее удобный, как не связанный с заботами о снабжении был—кортом (аренда). Этот способ был менее выгоден, чем второй—покрута, заключавшийся в том, что передовщик нанимал для монастыря рабочих на промысла из-за одной трети добычи за денежное вознаграждение и на монастырском содержании. Последний способ связывался с заготовкой и доставкой на промыслы большого количества запасов, организацией надзора за покручениками в лице передовщика.

В монастырском архиве, охватывающем период с 1717 г. не сохранились данные о первых годах владения монастырем песцовыми заводами в низовьях Енисея. За годы 1720—50, мы встречаем об них только отрывочные данные, картина жизни зимовьев раскрывается перед нами только в переписке 1750 годов. Эти годы были мало промышленные, на низу не встречалось достаточного количества гуляющего люда и передовщику не каждый год удавалось набрать полный комплект работников. Не находились и кортомщики за плату и из приказа 20/II—1755 года видно, что передовщику было дано распоряжение „пустые зимовья отдавать из застройки“. Затем это распоряжение было отменено—нашелся Енисейский посадский Степан Ожегов, пожелавший снять в кортом три зимовья: Нижнее, Корговое и Грибовое, стоявшие в самых промышленных районах. „Кортому—пишет игумен из монастыря, „обещался давать с промысла своего со ста десять песцов“. Эти условия показались монастырю выгодными и игумен предложил передовщику „продчие пустые зимовья желающим отдавать и брать с них песцами и против вышеописанного и присылать в монастырь и писать их в письмах особо, не смешивая с монастырскими песцами“.

Эксплоатация зимовьев посредством наема работников оставляло монастырь полным хозяином низовьев, но повидимому, будучи теоретически более выгодной, фактически давало также мало дохода, вследствие отсутствия правильно поставленного контроля над передовщиком.

Передовщики жили на монастырском содержании; на зимовья посылалось достаточное количество хлебных запасов, давалось, мясо, так как по инструкции 1751 года передовщик должен был отпускать покрученников для „колотья оленей в урочное время“. Покрученники получали жалование, которое, повидимому, находилось в зависимости от величины промысла. В 1754 году было послано из монастыря передовщику для раздачи покрученникам всего 25 руб. 84¹/₂ к. по такому расчету: передовщику Харламову—2 руб. 55 коп., покрученникам Корпачеву, Соснину, Казанцеву, Пахорукову, Щербакову, Замятнину, Гарнышеву, Ефремову, Якушеву по 1 руб. 80 к., Дябкину 1 р. 80 к., Василию Якушеву за вычетом на один год 2 р. 53¹/₂ к. и Павлову 4 р.

В 1753 году расход на жалованье был значительно больше: Харламов получал 4 руб.: покрученники Щербаков, Пахоруков, Ефрем Якушев и Гарнышев по 3 руб., Соснин, Казанцев, Корпачев по 3 руб. 50 к., а вновь посланный покрученик Божедомов 3 руб. Покрученники гор. Туруханска посадские Тимофей Замятнин и Игнатий Ялуков должны были служить „оба за прежние долги“.

Сверх жалования и содержания натурой покрученники получали одну треть промысла. Только две трети шло монастырю—одна треть делилась между покрученниками и передовщиком соразмерно с промыслом каждого. Передовщик брал на себя надзор за ловушками одного из зимовей. О том, что покрученники имели треть промысла песцами сверх жалования, видно из приказа 1755 года. На вопрос передовщика, как поступать с покручеником, на котором числится „кроме монастырского долгу государевы деньги“ (подушная) игумен пишет: „деньги 9 рублей отдать из его Замятнина пая, что достанется ему песцов в треть“.

Число покрученников было непостоянно. Для 11 зимовьев, работавших в 1752 году, надо было 13 человек, т. к. 2 зимовья—Судейское и Малое были двоеужинные, т. е. обслуживались двумя работниками. Полного комплекта покрученников передовщику не удавалось нанять. В 1753 году их было 10, в 1754 г. 11. Обычно, покрученники работали у монастыря из года в год—в их списках мы встречаем одни и те же фамилии. Раз попавши в низовья, они там крутились подряд, несколько лет, а если и уходили из монастырских зимовьев, то поступали в соседние. Покрученик Замятнин просит отпустить его на покругу к Серебрянникову, но монастырь его не отпускает из-за старого долга, а передовщик жалуется, „что без Замятнина „обойтись никак невозможно“.

Монастырь требовал от покрученников беспрекословного повиновения и грозил за неисполнение этого требования всевозможными карами: „приказывается чтением сей пункт всем покрученникам объявить, чтобы они были тебе Харламову во всем послушны, а ежели же кто из них в чем явится бранлив или непослушен и противен и таковых протививших, смотря по вине, наказывать неотменно, и ежели же и после того наказания паки кто явится ослушен же такова с прописанием всех на него вин вешним временем прислать в здешний монастырь, коим ослушником за упрямство их учинено быть имеет здесь наказание, не приемля от них никакого в оправдание отговорок“.

В другом месте игумен дает ядовитую характеристику жизни покручеников: „також и ты всегдашню за каждым покручеником смотрение все прилежное имети, чтоб они отбездвременного сна и лености не вовсе опухли и таких опухляков высылать и пред своею братию покручениками обличать жестоко в их нерадении и трате казенного...“.

О том, какого зверя и как его промышляли в монастырских зимовьях, архив дает достаточно ясное представление. Уже самое название „песцовые“ говорит о главном промысловом звере—песце. Мы знаем, что белый песец видоизменяется по временам года, получая различные достоинства и названия: 1) обитающий с весны в земляных норах, где и щенится, имеет самую тонкую и чуть ли не черную шерсть—называется норником, 2) перед наступлением осенних холодов, песец делается пышнее и крупнее, 3) при наступлении зимы называется крестоватиком, потом 4) синяком, 5) недопеском и 6) рослым песцом, крупным с совершенно белой шерстью, является уже в декабре. В списках монастырского промысла, высылаемых из загубских зимовьев, мы не встречаем шкурок летних песцов (1—2), которых убивают по-одиночке, невелико также число крестоватиков: 82, в 1751 г., 27—1753 г. В инвентаре зимовьев отсутствуют капканы и клепцы (ловушка особого типа) и следовательно монастырь не промышлял так называемого берегового песца-крестоватика, которого истребляют, обычно, в низовьях при помощи этих ловушек и особых загоронок.

Неизвестны до сих пор причины этого осеннего хода песцов, который наблюдается из года в год и заключается в том, что зверь ранней осенью (в конце августа) бежит берегом, около самой воды к морю, не подымаясь никогда на высокие, песчаные яры.

Основная масса монастырского промысла—песец более поздней осени, зимы и весны. В 1751 году добыча монастыря составлялась из 100 песцов взрослых, 50 недопесков и синяков, 22 крестоватиков, 2 песцов голубых рослых, 2 недопесков голубых, 1 волка белого, 7 сороков, 20 лап белых рослых, 5 сороков норнишних лап, 7 объедков норнишних, 2 горнастаев, 6 никольских рослых песцов, еще 7 крестоватиков и 1 „безкостного“ горностаев.

В 1753 году: 128 песцов рослых, 26 недопесков, 27 крестоватиков, 1 голубого песца, 2 песцов голубых вешних, 6 сороков лап рослых песцов, 2 сороков недопеской норнешних, 30 лап всяких драных, 45 лап вешних песцов, 1 шкура белого медведя, 18 горнастаев и мамонтовой кости 2 п. 30 ф.

Что же касается другого зверя—горностаев, волков, лисиц и белых медведей, то промысел их был только случайный и не имел значения, в сравнении с песцовым. Особенно странно, что не промышляли белых медведей, для охоты на которых имелось 10 рогатин и которые, конечно, водились в XVIII веке, как и теперь, в районе зимовья Малого.

Не было также промысла ластоногих. Мы встречаем только один раз упоминание, что в зимовье Нижнем имелось два белужьих лапаста. Следовательно, белуху промышляли только случайно. Оставались нетронутыми и другие морские животные: нерпы и тюлени.

Случаен также промысел мамонтовой кости. Мы встречаем только один раз мамонтовую кость в списке проданных мехов из монастырских зимовьев Енисейским подвормом. Позволим себе привести этот документ, интересный для характеристики цен на пушнину, существовавших в Енисейске в 1754 году: белки тунгуской и енисейской 1890 шт.— (?), 40 крестоватиков—50 руб, 10 норников 2 р. 50

коп., лап недопес. 108—1 руб., горностаев мал. 20—2 р. 20 к., кости мамонтовой 2 пуд.—3 руб., 40 лап песцов росл. 1 р., шкура белого медведя—1 руб., 3 волка сер.—4 рубля, 1 лиса сиводушка—1 р. 80 к.

Из этого списка мы видим, что из зимовой шел еще осетровый клей, но в небольшом количестве, и только после требования игумена: „имеющаяся рыба осетры для пищи себе от оных осетров клей отбирать, а не бросати и собакам не отдавать, но присылать тот клей для иконостасной работы в монастырь“.

Рыболовство обслуживало только нужды песцового промысла. Рыбу промышляли главным образом, летом и вместе с туземцами. „Летовати не с кем, самояди не было“, пишет передовщик в 1753 году, „летовье не велико, помешали погоды, а скота много“—в 1754 г. Туземцев эксплуатировали. С ними расплачивались табаком. § 14 приказа 1751 года говорит: „казенных денег самовольно на табак не держати, разве по нужде иноземцев“.

И все-таки зимовьям постоянно нехватало собачьего корму: „кормы собачьего скудни, не знаем как и собак протянуть“—пишет передовщик в 1754 году. Не хватало рыбы даже для пищи самим работникам зимовой и ее иногда покупали на стороне. „Рыбу промышляйте на пищу себе всяким образом должно иметь попечение, что было без купли денежной казенной и в том святую обитель не изнуять и в раззорение не приводить“—пишет игумен.

Если теперь мы сравним расходы монастыря на промыслы с получаемыми с низовьев доходами, то нам покажется странным ничтожность этих последних. Монастырь имел от песцового промысла небольшую чистую прибыль. Вот грубый подсчет за 1751 г.: 100 белых песцов—50 руб., остальная пушнина—20 руб., всего—70 руб. Расходы 200 пуд. хлеба по Енисейской цене—14 руб., материалы и проч. 10 руб., доставка 15 руб., жалование подкрученникам—25 руб., всего 64 руб. Чистая прибыль—6 руб.

Поражает несоответствие добычи 1750 годов—100—128 рослых песцов с огромным числом ловушек—6000. Возможно, что эти годы были непромысловые, „ведомо вашему благославлению песцовых промыслов в наших заводах ничего нет, никогда столь плохо не бывало“, пишет передовщик в 1754 году, а в другом доношении—„промыслу песцов ничего нет и весьма плохо“, но и для непромышленных годов цифра 100—150 песцов явно недостаточна для монастырского завода. В другие годы промысел зимовьев также, повидимому, был невелик. В 1732 году в описи монастырского имущества, составленной после бегства казначея, мы находим такие цифры—188 песцов, 65 недопесков и норников и различную мелочь.

Надо признать, что организация монастырского промысла была поставлена очень плохо. Не были использованы все промышленные возможности низовьев; бесхозяйственность характеризует всю деятельность передовщиков, а отсутствие контроля на месте допускало этой бесхозяйственности переходить в различные формы злоупотреблений. Промысел держался монастырем, как бы по инерции. Раз поставленный, он велся из года в год, не принося хорошего дохода.

Только наличие доходов с других монастырских вотчин, самый характер всего монастырского хозяйства, приближающийся к натуральному, черпающий все, что нужно для удовлетворения потребностей монастырского населения, главным образом и в первую очередь из самого себя—допускали монастырю таким не рациональным способом эксплуатировать песцовые заводы, сознавая их мало-доходность, от-

давая себе ясный отчет в дефективности организации и не принимая все-таки решительных мер к ее исправлению.

Несмотря на малоодоходность заводов, монастырь за них крепко держался. В 1762 году монастырские заводы были взяты вместе с другими монастырскими вотчинами вновь организованной коллегией экономии, но как только в том же году последовала отмена секуляризации, тотчас монастырь послал в низовья нарочного с приказом передовщику снова „иметь по свое смотрение заводы“ и немедленно приступить к их эксплуатации. Промыслы остались за монастырем только до 1765 года, когда последовала вторичная секуляризация и на этот раз окончательная. После этого года мы не встречаем больше в монастырском архиве никаких данных о загубских промыслах и только находим одно отношение Мангазейской ратуши 1768 года, проводившей распоряжение центра и требующей от монастыря возвращения 20 узких топоров, отмеченных в описи промысловых заводов, но там на лицо не оказавшихся.

Последующий период в заселении низовьев Енисея — вторая половина XVIII века очень бедно представлен в местных архивах. Правда, большие материалы по промыслам концентрируются в архиве бывшего Туруханского управления, но они охватывают время с 20—30 годов XIX столетия и заслуживают быть использованными в специальной работе.

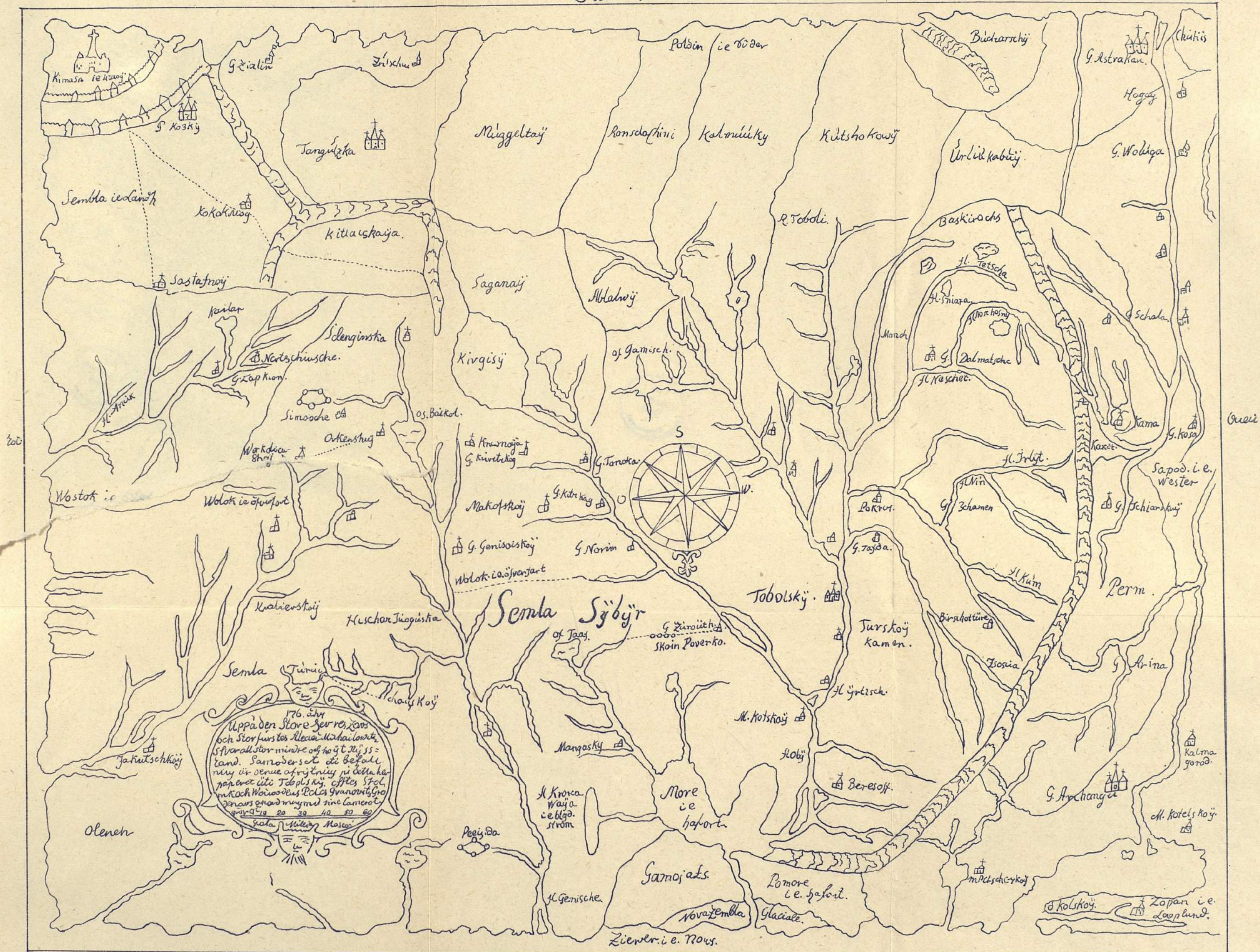

Sud. (1)

Copia a Moscow 1669 and in carte da Guadenoro
per C.J. Prütz (Churdon)

Nord. (2)

Многошумная река. Беловодная

Ордену № 1534

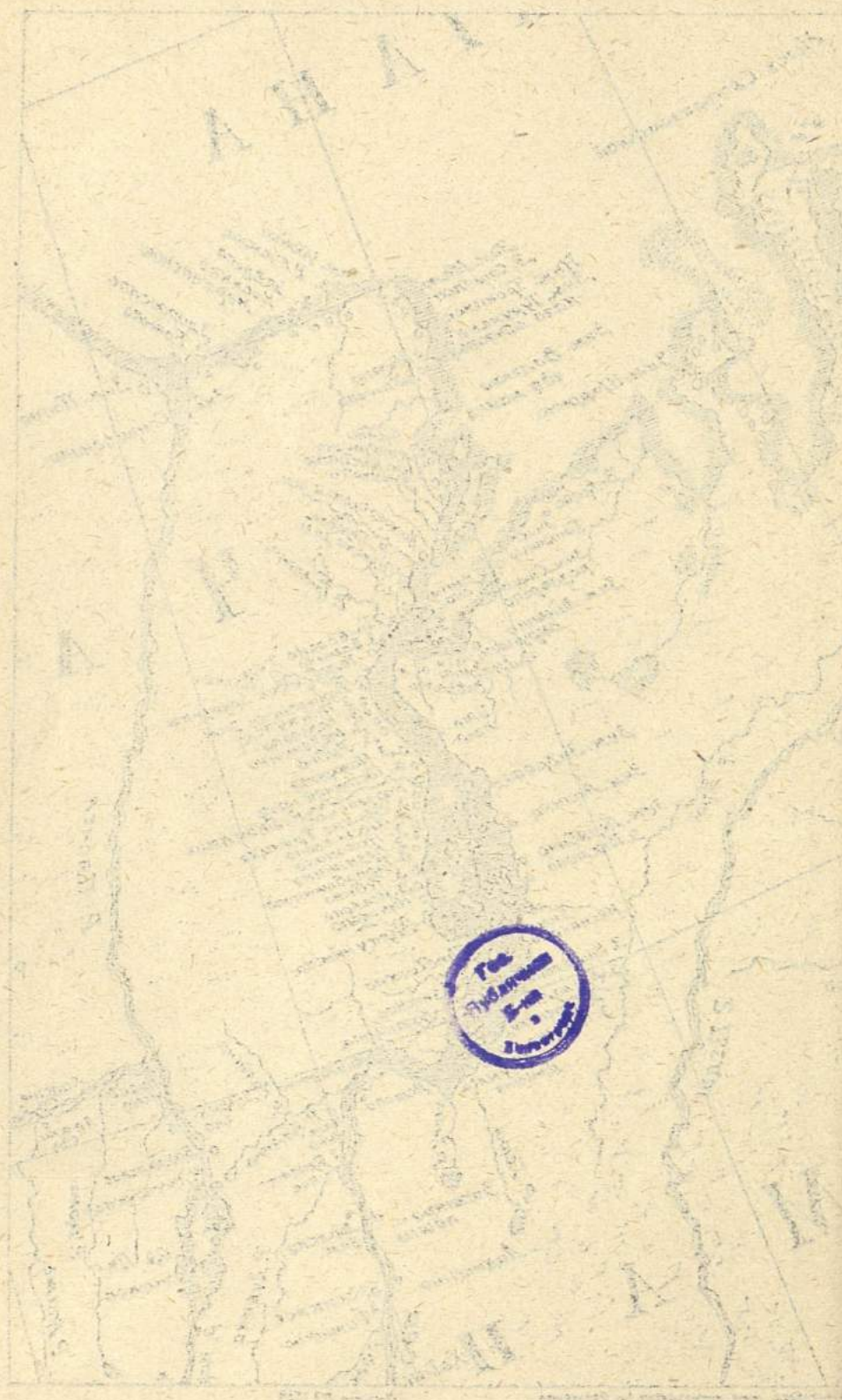

Цена 1 р.

16376

Красноярск. Окрлит № 1517
Красноярская гостип., з. № 659 ост. 176х250.
Напечатано 500 экз.

1958

59/
3076-6